

Человек-зверь

Эмиль Золя

ЧЕЛОВЕК-ЗВЕРЬ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
З-81

Перевод с французского Якова Лесюка

Золя, Э.

З-81 Человек-зверь / Э. Золя; [пер. с фр. Я. Лесюк]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 514 с.

ISBN 978-5-521-74495-4

Роман «Человек-зверь» – семнадцатый том цикла о Ругон-Маккарах французского писателя Эмиля Золя. Роман-нуар и в то же время произведение, описывающее французскую железную дорогу девятнадцатого века. Главный герой романа Жак Лантье – сын Жервезы Маккар (героини романа «В западне») и её любовника Огюста Лантье. «Человек-зверь» является наиболее полной реализацией литературной концепции влияния наследования черт предков на жизнь человека, которую Золя развил на основе работ доктора Проспера Лукаса, и в то же время типичной реализацией натуралистического метода документирования, представленного в социальных романах. Роман также является интерпретацией взглядов писателя на проблемы технического прогресса и человеческой натуры.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Я. Лесюк, наследники, 2019
ISBN 978-5-521-74495-4

I

Войдя в комнату, Рубо положил на стол фунтовый хлебец, мясной пирог и поставил бутылку белого вина. Тетушка Виктория, отправляясь утром на свой пост, должно быть, подбросила в печь слишком много угля, и жара была удушающая. Открыв окно, помощник начальника станции облокотился на подоконник.

Комната помещалась в последнем доме по правой стороне Амстердамского тупика, в высоком доме, где Компания Западных железных дорог поселила некоторых из своих служащих. Окно, расположенное на шестом этаже, в углу под крутым скатом крыши, выходило на станцию, которая глубоко вклинивалась в Европейский квартал; внезапно представавшее взору свободное пространство сливалось в тот послеполуденный час сырого февральского дня с серым небом, освещенным скудными лучами солнца, и казалось от этого еще шире.

Впереди, в тусклом свете, едва проступали зыбкие контуры домов на Римской улице. Слева зияли огромные арки крытых платформ с закопченными стеклянными навесами: сюда прибывали поезда дальнего следования; а неподалеку от этих громадных платформ, по другую сторону зданий станционной почты и кубовой, располагались другие платформы, поменьше, — отсюда поезда шли в Аржантей, в Версаль и по Окружной дороге; справа Европейский мост стальной лентой рассекал горизонт, а затем глазу вновь представляли железнодорожные пути, уходившие в Батиньольский туннель. Внизу, под самым окном, веерообразно устремлялись в разные стороны выбегавшие из-под моста три двойные железнодорожные

колеи; от них ответвлялись бесчисленные, переплетававшиеся друг с другом металлические ленты и пропадали под навесами платформ. Три будки стрелочников перед арками моста были окружены маленькими голыми садиками. А над беспорядочным скоплением вагонов и паровозов, загромождавших пути, огромный сигнальный круг красным пятном выделялся в блеклом свете дня.

С минуту Рубо с интересом глядел на это зрелище, сравнивая его с тем, что видел на станции Гавр. Всякий раз, когда ему доводилось на денек попадать в Париж и он приходил сюда, в комнату тетушки Виктории, лихорадочный ритм железной дороги захватывал его. С прибытием поезда из Манта на крытой платформе главного пути все пришло в движение; Рубо наблюдал за маневровым паровозом, небольшим, медлительным трехосным паровиком с тендером на маленьких колесах, который начал разборку поезда и сновал взад и вперед, увозя вагоны на запасные пути. Другой паровоз — мощный локомотив курьерского поезда с двумя огромными ведущими колесами — пока стоял в стороне, выбрасывая клубы густого черного дыма, медленно поднимавшегося в неподвижном воздухе. Потом вниманием Рубо завладел поезд, отправлявшийся в три часа двадцать пять минут на Кан; пассажиры уже сидели в вагонах, но паровоза еще не подали. Скрытый от взоров, он стоял по ту сторону Европейского моста, и слышны были только его частые негромкие свистки: он настойчиво требовал освободить путь и, казалось, терял терпение. Раздался сигнал, коротким свистком паровоз подтвердил, что понял. Перед тем как он тронулся, наступила минутная тишина,

затем из продувательных кранов, оглушительно шипя, вырвался пар и стал расстилаться над самыми рельсами. И тогда Рубо увидел, как от моста покатилося, все разрастаясь и кружась, точно снежный вихрь, белое облако, окутавшее железные фермы. А на фоне белого тумана возникала и ширилась черная пелена — копоть, вылетавшая из трубы другого паровоза. Из-за этой черно-белой завесы глухо доносились продолжительные гудки, возгласы, скрежет поворотного круга. Затем образовался просвет, и в нем показались два мчавшихся в противоположных направлениях поезда: один шел из Версаля в Париж, другой — из Парижа в Отейль.

Рубо уже собирался отойти от окна, как вдруг его кто-то окликнул. Посмотрев вниз, он увидел на балконе пятого этажа молодого еще человека лет тридцати, Анри Доверня, обер-кондуктора, жившего тут вместе с отцом, помощником начальника станции по поездам дальнего следования, и двумя сестрами, Клер и Софи, прелестными блондинками восемнадцати и двадцати лет; всегда веселые, они вели хозяйство на шесть тысяч франков, которые приносили домой отец и брат. Вот и теперь слышно было, как старшая смеялась, младшая пела, а канарейки в клетке вторили ей звонкими руладами.

— Как, господин Рубо, оказывается, вы в Париже?.. Ах да, это, верно, по поводу вашего столкновения с супрефектом!

Вновь облокотившись о подоконник, помощник начальника станции объяснил, что ему пришлось выехать из Гавра утром, курьерским поездом в шесть сорок. В Париж он прибыл по приказу начальника службы

эксплуатации и получил здесь страшнейший нагоняй. Спасибо еще не лишился должности.

— А госпожа Рубо? — спросил Анри.

Жена тоже пожелала приехать за покупками. Рубо ее и ждет здесь, в этой комнате, ключи от которой тетушка Виктория дает им всякий раз, когда они приезжают в Париж; и пока славная женщина дежурит внизу, в туалете, оба спокойно завтракают вдвоем. Утром они слегка перекусили в Манте, а в столице решили прежде всего покончить с делами. Но пробило уже три часа, и он просто умирает с голоду.

Из учтивости Анри задал еще один вопрос:

— Заночуете в Париже?

Нет, нет! Они вечером возвращаются в Гавр, курьерским поездом в шесть тридцать. Как же, дадут тебе отдохнуть! Приглашают только для того, чтобы хорошенько намылить голову, а потом — убирайся восвояси!

Железнодорожники обменялись понимающим взглядом и покачали головой. Они больше не слышали друг друга: фортепьяно, точно взбесившись, разразилось оглушительными звуками. Сестры, должно быть, дружно колотили по клавишам, подзадоривая канареек и громко смеясь. Тогда молодой человек, в свою очередь развеселившись, поклонился Рубо и ушел в комнату; помощник начальника станции помедлил еще несколько мгновений, продолжая смотреть на балкон, где царило задорное веселье. Потом, подняв глаза, он снова увидел паровоз — продувательные краны были закрыты, и стрелочник направил его к составу, отправлявшемуся в Кан. Последние хлопья белого пара исчезали среди густых клубов черно-

го дыма, грязнивших небосклон. Рубо отошел в глубь комнаты.

Часы с кукушкой показывали двадцать минут четвертого, и он в отчаянье развел руками. Какого черта Северина так запаздывает? Попав в магазин, она не спешит оттуда выйти. Голод терзал его, и, чтобы отвлечься, он решил накрыть на стол. Рубо чувствовал себя как дома в этой просторной с двумя окнами комнате, служившей одновременно спальней, столовой и кухней, где стояла мебель орехового дерева — кровать с красными занавесками из дешевой материн, буфет с горкой для посуды, круглый стол, нормандский шкаф. Он достал из буфета салфетки, тарелки, несколько вилок и ножей, два бокала. Все сверкало чистотой, белоснежная скатерть радовала глаз, и Рубо, влюбленный в жену, забавлялся, точно ребенок, занятый игрою в обед, и добродушно посмеивался, предвкушая, как она распахнет дверь и разразится звонким смехом. Положив на тарелку мясной пирог и пододвинув к ней бутылку вина, он озабоченно поискал что-то глазами. Потом, вспомнив, быстро достал из кармана два свертка — небольшую коробку сардин и кусок грюэрского сыра.

Часы пробили половину четвертого. Рубо шагал из угла в угол, прислушиваясь к малейшему шуму на лестнице. Проходя в томительном ожидании мимо зеркала, он остановился и взглянул на себя. Нет, он ничуть не постарел, ему уже под сорок, а ярко-рыжие вьющиеся волосы все такие же. И золотистая окладистая борода не поредла. Рубо был среднего роста, но обладал необычайной силой; он себе нравился и с удовольствием рассматривал в зеркале свою немного приплюснутую голову

с низким лбом и широким затылком, круглое румяное лицо, освещенное большими блестящими глазами. Сросшиеся брови образовывали на лбу прямую линию, характерную для ревнивцев. Он был старше жены на пятнадцать лет и потому частенько останавливался перед зеркалом, но собственное отражение успокаивало его.

На лестнице раздались шаги, Рубо подбежал к двери и приоткрыл ее. Нет, то возвратилась соседка, продавщица газет на вокзале. Он повернулся, подошел к буфету и принялся разглядывать шкатулку, украшенную ракушками. Рубо хорошо знал эту шкатулку, Северина подарила ее своей кормилице, тетушке Виктории. Этой вещицы оказалось достаточно, чтобы Рубо вспомнил все обстоятельства своей женитьбы. Подумать только, скоро уже три года!.. Рубо родился на юге Франции, в Плассане, в семье возчика; он возвратился с военной службы с нашивками сержанта, долгое время был дорожным мастером на станции в Манте, а затем перешел на станцию Барантен старшим мастером; там-то он и познакомился со своей дорогой женушкой, она приезжала туда к поезду из Дуанвиля вместе с мадемуазель Бертой, дочерью председателя суда Гранморена. Северина Обри была всего-навсего младшей дочерью садовника, служившего до конца своей жизни у Гранморена; однако председатель суда, ее крестный отец и опекун, необыкновенно баловал девочку, сделал подругой собственной дочери и даже поместил обеих в один и тот же пансион в Руане; к тому же в Северине было столько врожденного благородства, что Рубо долго лишь вздыхал по ней и смотрел на девушку с тем восторгом, с каким пообтесавшийся мастеровой смотрит на изящную и драгоценную